

— А чего тебе бояться, у него листья быстро растут... — хотя Чжочжо и говорила так, она перестала рвать и начала считать: — Придёт... не придёт... плохо, Чжифэн, мне кажется, Сюй Гань так скоро не придёт. Но у тебя уже есть защитник Чжань и Чэнь Цин. По-моему, один из них элегантен, как нефритовое дерево на ветру, а другой — юн и красив. Любой из них лучше, чем тот угрюмый Сюй Гань! А Чэнь Цин ещё и пригласил тебя посмотреть на слонов! Разве я не права?

— Что за чушь ты несёшь?! — Тань Чжифэн всё это время смотрел на Чжочжо, присевшую в углу и считавшую листья. Услышав это, он не выдержал: — Какое отношение ко мне имеет защитник Чжань? То, что он хотел сказать, скорее всего, связано с делом. А что касается Чэнь Цина...

Тань Чжифэн не успел договорить, как вдруг почувствовал, что в комнате потемнело, словно солнечный свет перед стойкой кто-то заслони́л. Он и Чжочжо одновременно обернулись. Перед ним стоял Сюй Гань. Его глаза, чёрные, как обсидиан, казались не такими яркими, как раньше, а скорее тусклыми. Он пристально и с непроницаемым выражением смотрел на него.

Сердце Тань Чжифэна снова бешено заколотилось, ему стало трудно дышать. Чжочжо от испуга села на пол, опрокинув горшок с эпипремнумом.

Тань Чжифэну ничего не оставалось, как сказать Сюй Ганю: «Минутку», — и подбежать в угол, чтобы вместе с Чжочжо поднять цветочный горшок и собрать рассыпавшуюся землю. Только после этого он медленно выпрямился и обратился к Сюй Ганю:

— Господин Сюй, присаживайтесь.

Сюй Гань молча нашёл себе место. Тань Чжифэн смотрел на него, и в его душе бушевала буря мыслей. В ту ночь, когда жизнь Сюй Ганя была в опасности, душа Инлуна внутри него пробудила давно спавшую в теле Тань Чжифэна духовную силу. Именно этой силой Тань Чжифэн помог Сюй Ганю отбиться от Бо. Помнит ли Сюй Гань что-нибудь об этом?

Он осторожно изучал выражение лица Сюй Ганя, прокашлялся и спросил:

— Господин Сюй, что бы вы хотели съесть? Пельмени с бараниной? Клёцки из редьки? Или, может, сначала выпьете чашку бараньего бульона, чтобы согреться?

Выражение лица Сюй Ганя немного смягчилось. Он покачал головой:

— Пожалуй, суп с лапшой «Пять специй».

Тань Чжифэн кивнул и быстро ушёл на кухню. Чжочжо и Чанчан снаружи переглянулись. Почему-то сегодняшний Сюй Гань, по сравнению с прошлым разом, казался им очень внушительным и давящим. Они толкали друг друга, но никто не хотел к нему подходить.

Тань Чжифэн смотрел на Чжочжо и Чанчан, сжавшихся за стойкой, и в его душе царил хаос. Он подумал, что они с Сюй Ганем виделись уже трижды. В первый раз он спас его у входа в переулок, но тот развернулся и ушёл. Во второй раз Сюй Гань потерял сознание в трактире, и он сам обработал ему раны. А в третий раз... несколько дней назад...

Меньше чем за месяц его жизнь трижды оказывалась под угрозой. Тань Чжифэн выглянул наружу. Сюй Гань сидел спиной к нему, ожидая. Его спина, как и на арене для цзюэди, излучала внушительность, которую было трудно не заметить.

Когда он только что подошёл поздороваться с Сюй Ганем, Тань Чжифэн подумал, что в глазах того не было ничего необычного. Это означало, что он не знал, что произошло в ту ночь, и, конечно, не узнал его. Сюй Гань жил своей жизнью, у него был четырёхлетний сын...

Как и в любом из предыдущих перерождений, он тихо стоял рядом с Инлуном, оберегая его земную жизнь той духовной силой, что дал ему Инлун, и сопровождая его до последнего мгновения. Возможно, тогда он всё вспомнит, а может, и нет. Какая разница?

После прошлого визита Сюй Ганя Тань Чжифэн не знал, когда тот вернётся, поэтому всегда держал наготове молотый перец и кунжут для супа с лапшой «Пять специй». Сейчас, погружённый в свои мысли, он смешал муку с перцем и кунжутом, замесил тесто на свежем бульоне, тонко раскатал его, нарезал на тонкие полоски, слегка растянул их в руках и опустил в только что закипевший суп.

Лапша крутилась в кипящем супе, испуская белый пар. Тань Чжифэн помешал лапшу деревянными палочками, чтобы она не слиплась. В это время Чанчан осторожно просунула голову и сказала Тань Чжифэну:

— Чжи... Чжифэн, мне кажется, тот Сюй... Сюй-деревяшка не в духе. Я не очень хочу его злить, и Чжочжо тоже... тоже боится подходить...

— Сюй-деревяшка? — Тань Чжифэн обернулся. Чанчан втянула шею и сказала: — Это сестрица Чжочжо придумала. Говорит, он молчит и выглядит страшно.

— Нельзя давать людям прозвища, — сказал Тань Чжифэн. — И если вы не обслуживаете гостя, конечно, у него не будет хорошего настроения.

Сказав это, Тань Чжифэн взял заранее приготовленные сухофрукты и чайные закуски и протянул Чанчан:

— Иди. Скажи ему, что суп с лапшой скоро будет готов. Я сейчас сам ему отнесу.

Чанчан выглядела испуганной, но подбадриваемая Тань Чжифэном, она всё же медленно повернулась и пошла вперёд. Дрожа, она поставила поднос перед Сюй Ганем:

— Сюй... Сюй-деревяшка, ой, нет, господин Сюй, это ваши закуски. Чжифэн сказал... сказал, что суп-лапша... нет, лапша-суп скоро...

Чанчан не успела договорить, как Тань Чжифэн уже принёс миску ароматного, дымящегося супа с лапшой «Пять специй». Разобравшись в своих мыслях, он стал чувствовать себя гораздо увереннее в присутствии Сюй Ганя.

— Прошу прощения, — он почтительно поклонился. — Заставил вас долго ждать.

— Ничего, — при виде Тань Чжифэна выражение лица Сюй Ганя мгновенно смягчилось. Он естественно протянул руку в сторону Тань Чжифэна: — Садись.

На этот раз Тань Чжифэн не стал отказываться. В трактире всё равно не было посетителей, и ему нечем было заняться. Он сел напротив Сюй Ганя, готовый выслушать, что тот скажет. Сюй Гань подцепил палочками лапшу, давая горячему пару рассеяться в воздухе. Тань Чжифэн смотрел на него сквозь белую дымку и услышал его вопрос:

— Ты ходил смотреть цзюэди?

«Ага, — подумал Тань Чжифэн, — наконец-то он заговорил об этом. Точно, в тот день, после его боя с Бо, когда я вернулся в ресторан, Сюй Гань поднял голову и увидел меня». Тань Чжифэну смутно показалось, что на лице Сюй Ганя была улыбка, когда тот смотрел на него, но это было лишь ощущение. Сюй Гань был в маске. Может, ему следовало сделать вид, что он его не узнал? Это было бы более логично. В конце концов, они виделись всего дважды, и в первый раз Сюй Гань его даже не запомнил. Если он сделает вид, что узнал его, не покажется ли это странным?

— Ты меня узнал, — пока Тань Чжифэн размышлял, Сюй Гань вдруг посмотрел на него и спросил: — Почему решил пойти на цзюэди?

— Эм... да, — Тань Чжифэн растерялся и снова начал говорить невпопад. — Я подумал... я помню, ты говорил, что... ты занимаешься цзюэди, чтобы прокормить семью.

Так сказав, он почувствовал себя дураком, будто специально пошёл посмотреть на Сюй Ганя. К счастью, Сюй Гань не стал допытываться и лишь равнодушно сказал:

— Я больше не буду этим заниматься, — после чего съел первую порцию лапши, отложил бамбуковые палочки и пояснил: — Я уже заработал достаточно. Планирую продать ту лавку и найти для Лин-эр другое жильё.

Тань Чжифэн кивнул. Он как раз хотел спросить Сюй Ганя о его дальнейших планах, и раз уж тот сам заговорил, он спросил:

— А... у тебя уже есть на примете какой-нибудь дом?

— Переулок Пшеничной Соломы, — Сюй Гань посмотрел наружу, а затем снова перевёл взгляд на лицо Тань Чжифэна. — Тихо, дёшево, аренда дворика с двумя маленькими домиками — шесть гуаней в год. Только... сейчас нет свободных.

— Хорошо, — хотя Тань Чжифэн не понимал, почему Сюй Гань хочет переехать сюда, он подумал, что в его трактир ходит много людей, и, возможно, он сможет узнать для Сюй Ганя, не собирается ли кто-нибудь съезжать. Поэтому он сказал: — Хочешь, я поспрашиваю для тебя?

Сюй Гань поблагодарил его, и между ними снова воцарилось молчание. Видя, что Сюй Гань почти не притронулся к лапше, Тань Чжифэн забеспокоился и осторожно спросил:

— Может, сегодня получилось не по твоему вкусу?

Сюй Гань покачал головой, подцепил палочками лапшу и принялся есть. Тань Чжифэн с облегчением вздохнул и собрался уходить, но Сюй Гань вдруг спросил у него за спиной:

— Хозяин Тань, вы... откуда родом?

— О, это... — Тань Чжифэн не понял, почему Сюй Гань тоже начал его допрашивать, но, к счастью, ответ у него был готов, и он уже репетировал его перед Чжань Чжао, так что ответил без труда: — Я родом из городка Лунси в округе Куйчжоу. Три года назад мои родители скончались. Я отбыл траур и приехал в Кайфын с тремя своими слугами, чтобы заработать на жизнь.

Сюй Гань на мгновение задумался, а затем продолжил есть лапшу, опустив голову. Тань Чжифэн сидел напротив и молча наблюдал за ним. Сегодня Сюй Гань был чисто и опрятно

одет, в отличие от их первых встреч, и выглядел ещё красивее. Его брови были словно вырезаны ножом, глаза — тёмные, как тушь, а высокий прямой нос придавал ему вид неприступности. Тань Чжифэн со смешанными чувствами смотрел на него и, засмотревшись, снова погрузился в свои мысли.

* * *

Лунси в области Куйчжоу было местом, где Инлун обитал, скрываясь на юге. Это место находилось у ущелья У, и пейзажи там были очень красивыми. Тань Чжифэн не знал, назвали ли местные жители городок так потому, что видели, как Инлун в образе водяного дракона появлялся в ручье. Он помнил только, что они с Инлуном провели в горном ущелье время, которое для смертных казалось долгим, а для него — очень коротким.

В то время он ещё не обрёл человеческий облик, но у него уже постепенно формировались три души и семь чувств. Духовная сила, которую Инлун влил в его тело, и сущность неба и земли, которую он впитал из этих прекрасных гор и вод, делали его восприятие окружающего мира всё более острым.

У Инлуна были крылья, и утром и вечером он брал его с собой на прогулку по горным ущельям, иногда вызывая облака и дождь. В такие моменты он превращался в сияющий белый шар и парил вместе с Инлуном в облаках, глядя на зелёные горы и воды внизу, которые казались сказочной страной, и на проплывающие по воде лодки.

Постепенно он несколько раз почувствовал, что скоро сможет принять человеческий облик. Инлун редко говорил с ним и не учил его, как совершенствоваться. Лишь иногда, во время своих медитаций, он передавал ему свою духовную силу, молча направляя его. Духовная сила, которую он передавал Тань Чжифэну, была мощной и чистой, но всегда хорошо сливалась с его собственной, подобно тому, как мелкий дождь падает на землю, беззвучно питая почву, рождающую всё живое.

Тань Чжифэн иногда задумывался, каким он станет, когда примет человеческий облик. Инлун большую часть времени был драконом, но иногда превращался в того мужчину в чёрном халате, которого он видел в первую ночь. Когда Тань Чжифэн вместе с Инлуном покидал ущелье, он видел крестьян, работавших в полях. Он заметил, что у всех людей были лица и конечности, но выглядели они по-разному. Он ещё не знал, что такое красота и что такое уродство. Он думал, что ему просто любопытно, не испугает ли он Инлуна, когда станет человеком.

<http://bllate.org/book/14942/1323816>